

ПЕРВЫЙ
НЕХОРОШИЙ
ЧЕЛОВЕК

Миранда
Джулай

П Е Р В Ы Й
Н Е Х О Р О Ш И Й
Ч Е Л О В Е К

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д42

Miranda July
THE FIRST BAD MAN

© 2015, Miranda July
All rights reserved

Перевод с английского *Шаши Мартыновой*
Художественное оформление *Марины Дорошенко*

Джулай, Миранда.
Д42 Первый нехороший человек : [роман] / Миранда Джулай ; [пер. с англ. Ш. Мартыновой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-699-98885-3

Шерил живет в выдуманном мире, где всё — любовник, ребенок, сама жизнь — плод ее фантазий. Она день и ночь борется с собой — пытается задавить эмоции, не дать им волю. Может быть, если это удастся, она наконец-то станет счастливой.

«Первый нехороший человек» — трогательная в своей комичности история отношений, оригинальная в исполнении, захватывающая и чувственная.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-98885-3

© Ш. Мартынова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава первая

К приемыш врачa я подъезжала так, будто снималась в кино, которое смотрел Филлип: стекла в машине опущены до упора, волосы вразлет, лишь одна рука на руле. Остановившись на светофоре, я таинственно вперилась в даль. *Кто она?* — возможно, задумывались люди. — *Кто эта женщина средних лет в синей хонде?* Я продефилировала по подземной стоянке к лифту и нажала «12» непринужденным баловливым пальцем. Такой палец горазд на что угодно. Как только двери закрылись, я оглядела себя в зеркальном потолке и порепетировала, как поведет себя мое лицо, если в приемыш окажется Филлип. Удивленно, однако не чересчур, да и Филлип будет не на потолке, а значит, шея так выворачиваться не станет. Всю дорогу по коридору я несла это лицо. Ой! Ой, привет! А вот и дверь.

Доктор Йенс Бройярд
Цветотерапия

Я распахнула ее.

Никакого Филлипа.

Оправилась я не мгновенно. Едва не развернулась и не отправилась домой — но тогда я не смогла бы ему позвонить и поблагодарить за рекомендацию. Секретарша выдала мне анкету «новый пациент» на планшете; я уселась в мягкое кресло. Поскольку строки, в которой значилось бы «кто порекомендовал», не было, я просто написала «меня послал Филлип Беттелхайм» по верху страницы.

— Не скажу, что он лучший на всем белом свете, — говорил Филлип на благотворительном вечере «Раскрытой ладони». На Филлипе был кашемировый свитер в тон бороды. — Поскольку есть один врач-цветовик в Цюрихе, который с ним запросто потягается. Но Йенс — лучший в Эл-Эй и уж точно лучший на западной стороне. Он мне ноги от грибка вылечил. — Он поднял ногу и тут же опустил ее — я не успела понюхать. — Йенс большую часть года в Амстердаме и потому очень привередлив, кого тут ему принимать. Скажите, что вас послал Фил Беттелхайм. — Он записал номер на салфетке и пустился в самбу прочь от меня.

— Меня послал Фил Беттелхайм.

— Именно! — крикнул он через плечо. Остаток вечера он провел на танцполе.

Я уставилась на секретаршу — она знала Филлипа. Он, может, только что ушел; может, он прямо сейчас на приеме у врача. Об этом я не подумала. Заправила волосы за уши и стала приглядывать за дверью в смотровой кабинет. Через минуту оттуда

вышла стройная женщина с младенцем. Младенец болтал кулоном-кристаллом на веревочке. Я проверила, нет ли между нами особой связи, сильнее, чем между ним и его матерью. Нет.

У доктора Бройярда были скандинавские черты и крошечные, укоризненные очки. Пока он читал мою анкету «новый пациент», я сидела на мясистом кожаном диване напротив японской бумажной ширмы. Вокруг не наблюдалось никаких волшебных палочек и никаких магических шаров, но я изготовилась к чему-то в этом роде. Если Филлип верит в цветотерапию, мне этого достаточно. Доктор Бройярд спустил очки.

— Ну что ж. Глобус истерикус.

Я принялась объяснять, но он меня оборвал:

— Я врач.

— Простите. — Однако говорят ли настоящие врачи «я врач»?

Он молча осмотрел мои щеки, пыряя бумажку красной ручкой. На бумажке было какое-то лицо, обобщенное, подписанное «Шерил Гликмен».

— Эти пометки?..

— Ваша розацеа.

Бумажкины глаза были большие и круглые, а вот мои, когда я улыбаюсь, исчезают полностью, и нос у меня более картошечный. Зато зазоры *между* моими чертами — в безупречной соразмерности друг с другом. Пока этого никто не замечал. А еще мои уши: прелестные маленькие ракушки. Волосы я убираю за них и стараюсь входить в людные помещения ухом вперед — двигаясь боком. Он изо-

бразил окружность на бумажкином горле и закрасил ее тщательными поперечными штрихами.

— Как давно у вас глобус?

— Время от времени примерно лет тридцать.

Тридцать или сорок лет.

— Вы когда-нибудь от него лечились?

— Пробовала добыть направление на операцию.

— На операцию.

— Чтобы ком вырезали.

— Вы же понимаете, что это не настоящий ком.

— Все так говорят.

— Обычное лечение — психотерапия.

— Я знаю. — Объяснять, что одинока, я не стала. Терапия — это для пар. Равно как и Рождество. Равно как и вылазки с палаткой. Равно как и пляжные вылазки. Доктор Бройярд выгрохотал ящик стола, наполненный крошечными стеклянными бутылочками, и выбрал одну, с надписью «КРАСНЫЙ». Я прищурилась на совершенно бесцветную жидкость. Она мне во многом напоминала воду.

— Это *эссенция* красного, — сказал он отрывисто. Он ощущал мой скептицизм. — Красный — это энергия, которая лишь в грубой форме приобретает оттенок. Примите тридцать миллилитров сейчас и далее по тридцать миллилитров каждое утро перед первым мочеиспусканием. — Я проглотила целую пипетку.

— Почему перед первым мочеиспусканием?

— Перед тем как встать и начать двигаться: движение повышает базальную температуру тела.

Я осмыслила сказанное. А что, если человеку надо проснуться и тут же заняться сексом — до мочеиспускания? Такое тоже наверняка повысит ему базальную температуру. Будь мне тридцать с небольшим, а не сорок с небольшим, как сейчас, он бы сказал «перед первым мочеиспусканием или *половым актом*»? В этом загвоздка с мужчинами моего возраста: я почему-то старше их. Филлипу за шестьдесят, и потому он, возможно, мыслит меня женщиной помоложе, почти девушкой. Нельзя, правда, сказать, что он меня мыслит — я всего лишь некто, работающий в «Раскрытой ладони». Но это может измениться в мгновение ока; это могло произойти уже сегодня, в этой приемной. Это все еще может произойти, если Филлипу позвонить. Доктор Бройярд протянул мне анкету.

— Оставьте это у Рути, в приемной. Я назначил повторный прием, но, если глобус у вас ухудшится раньше, вам, вероятно, следует подумать о той или иной психологической консультации.

— А кристалл такой вы мне дадите? — Я показала на связку кристаллов, висевших на окне.

— Каплю солнца? В следующий раз.

Секретарша отксерила мою страховую карточку, попутно объясняя, что хромотерапия страховкой не покрывается.

— Следующее «окно» — девятнадцатого июня. Лучше утро или вечер? — Ее седые до пояса волосы отвращали. У меня тоже седые, но я их держу опрятными.

— Не знаю — утро? — Сейчас лишь февраль. К июню мы с Филлипом, быть может, станем парой, быть может, явимся к доктору Бройярду вместе, рука об руку. — А ничего пораньше нету?

— Врач принимает здесь всего трижды в год.

Я оглядела приемную.

— А кто же будет поливать этот цветок? — Я подалась вперед и сунула палец в почву под папоротником. Она была сырая.

— Тут работает другой врач. — Она постукала по пластиковому держателю с двумя стопками визиток — доктора Бройярда и доктора Тиббетса, СКСР¹. Я попыталась взять по одной испачканным пальцем.

— Девять сорок пять подойдет? — спросила она, подавая мне коробку с «клинексами».

Я пронеслась по парковке, держась обеими руками за телефон. Как только двери защелкнулись и включился кондиционер, я набрала первые девять цифр Филлипова номера, затем остановилась. Я ему никогда прежде не звонила: за последние шесть лет звонил мне только он, только в «Раскрытой ладони» и исключительно как член совета директоров. Может, это не лучшая мысль. Сюзэнн сказала бы, что лучшая. Она с Карлом сделала первый ход. Сюзэнн и Карл были моими начальниками.

¹ Сертифицированный клинический социальный работник. — *Здесь и далее прим. пер.*

— Если чувствуешь связь — не робей, — однажды сказала она.

— Приведите пример неробения в таких случаях.

— Прояви пылкость.

Я переждала четыре дня — чтобы разредить вопросы — и затем попросила привести пример проявления пыла. Она долго на меня смотрела, а затем вытащила из мусорки старый конверт и нарисовала на нем грушу.

— Вот такая у тебя форма тела. Видишь? Малюсенькая сверху и не очень-то малюсенькая снизу. — Затем объяснила иллюзию, создаваемую темными цветами в одежде внизу и яркими — наверху. Когда я замечаю женщин в таком цветовом сочетании, проверяю, груши ли и они, — и они всегда груши: груша грушу не проведет.

Под рисунком она приписала номер телефона человека, который, по ее мнению, подходил мне лучше, чем Филлип, — разведенного отца-алкоголика по имени Марк Квон. Он сводил меня поужинать на Беверли, в «Мандаретт». Это не сработало, и Сюзэнн спросила меня, может, она слышит звон, да не знает, где он.

— Может, это не Марк тебе не понравился? Может, мужчины вообще?

Люди иногда так считают из-за моей стрижки: она у меня, так уж вышло, короткая. А еще я ношу туфли, в которых действительно можно ходить, — «рокпорты» или простые тенниски, а не бижутерию для ног на высоких каблуках. Но забьется ли серд-

це гомосексуальной женщины при виде шестидесятипятилетнего мужчины в сером свитере? Марк Квон вновь женился несколько лет назад; Сюзэнн поставила мне это на вид. Я набрала последнюю цифру Филлипова номера.

— Алло? — Судя по голосу, он спал.

— Привет, это Шерил.

— А?

— Из «Раскрытой ладони».

— А, привет-привет! Чудесный благотворительный вечер, я оторвался. Чем могу быть полезен, Шерил?

— Просто хотела сказать, что побывала у доктора Бройярда. — Долгая пауза. — Цветотерапевта, — добавила я.

— У Йенса! Отличный, правда?

Я сказала, что он феноменален.

Таков был мой замысел: употребить то же слово, каким он описал на вечере мое ожерелье. Приподнял тяжелые бусины над моей грудью и сказал: «Феноменальные. Где вы их взяли?», а я сказала: «У торговца на продуктовой ярмарке», и затем он посредством этих бус притянул меня к себе. «Ой, — сказал он, — а мне нравится, удобно». Посторонний человек — например, наш специалист по грантам Накако — подумала бы в тот миг, что это унижительно, но я-то знала, что унижение это — просто шутка: Филлип тем самым высмеивал мужчин из породы тех, кто способен на что-то подобное. Он много лет подряд это проделывал: однажды на заседании совета директоров уверил

меня, что у меня блузка сзади не застегнута до конца, а затем расстегнул ее, хохоча. Я тоже рассмеялась и тут же полезла застегивать ее обратно. Шутка состояла вот в чем: *Ох уж эти люди, а? На какие только пошлости не способны?* Но был в этой шутке и еще один слой, поскольку подражание хамским людям было в некотором смысле освобождающим — как прикидываться ребенком или сумасшедшим человеком. Такое можно проделывать лишь с кем-то, кому по-настоящему доверяешь, с кем-то, кто знает, до чего ты на самом деле толковый и славный. После того как он отпустил мои бусы, у меня случился короткий припадок кашля, который привел к обсуждению моего глобуса и цветового врача.

Слово «феноменальный» ничего, кажется, в нем не пробудило: он говорил, что доктор Бройярд дорогой, но того стоит, а затем тон у него начал подыматься к вежливому выходу.

— Ну, наверное, увидимся на совете директоров, за... — но прежде чем он успел сказать «втра», я его перебила:

— В трудный час я — за вас!

— Что, простите?

— Я с вами. В трудный час буду за вас просто.

Ну и тишина. Исполинские сводчатые соборы не вмещали столько пустоты. Он откашлялся. Эхо заскакало под сводами, распугивая голубей.

— Шерил?

— Да?

— По-моему, мне пора.

Я ничего не сказала. Чтобы выбраться из этого разговора, ему придется переступить через мой труп.

— До свиданья, — сказал он и затем, после паузы, повесил трубку.

Я уложила телефон в сумочку. Если красный уже подействовал, нос и глаза у меня должно было пронзить чудесным жжением, миллионом крошечных иголок, ведущих к громадному соленому нахлыву, стыду, устремляющемуся через слезы в водосток. Плач подобрался к горлу, раздул его, но не ринулся вверх, а затаился прямо там, в неистовом коме. Глобус истерикус.

Что-то жახнуло по моей машине, и я вздрогнула. Дверь соседнего автомобиля: женщина устраивала на сиденье младенца. Я схватилась за горло и подалась вперед, поглядеть, но лицо ребенку заслонили ее волосы, и поэтому никак не разобрать было, из тех ли это младенцев ребенок, которых я считала своими. Не биологически своими, а... близкими. Я зову их Кубелко Бонди. Чтобы удостовериться, достаточно и одной секунды: половину этого времени я даже не догадываюсь, чем занимаюсь, — и вот уже все случилось.

Семейство Бонди недолго дружило с моими родителями в начале 70-х. Мистер и миссис Бонди и их маленький сын Кубелко. Позднее, когда я расспрашивала о них маму, она сказала, что имя у ребенка было совершенно точно не такое, но тогда *какое* оно было? Кевин? Марко? Этого она не помнила. Родители пили вино в гостиной, а мне

велели играть с Кубелко. Покажи ему свои игрушки. Он молча сидел у двери моей спальни с деревянной ложкой в руке и время от времени стучал ею об пол. Большие черные глаза, пухлые розовые щеки. Маленький мальчик, очень маленький. Едва ли годик с чем-то. Чуть погодя он отшвырнул ложку и зарыдал. Я смотрела, как он плачет, и ждала, что кто-то придет, но никто не шел, и я втащила его к себе на детские коленки и принялась качать его толстое тельце. Он почти тут же успокоился. Я обнимала его, он смотрел на меня, я смотрела на него, он смотрел на меня, и я знала, что он меня любит больше, чем своих мать и отца, и что в некотором очень настоящем и неизбывном смысле он принадлежит мне. Поскольку мне было всего девять, оставалось не очень ясным, принадлежит он мне как ребенок или же как супруг, но это и не имело значения: я чувствовала, что готова к испытанию разбитым сердцем. Я прижималась щекой к его щеке и обнимала его, как я надеялась, на веки вечные. Он уснул, да и я сама то отплывала из сознания, то возвращалась, отшвартованная от времени и всякой мерности, его тело делалось то громадным, то крошечным — а затем его резко выхватила у меня из рук женщина, которая считала себя его матерью. Взрослые направились к дверям, выговаривая усталые слишком громкие спасибо, а Кубелко Бонди взирал на меня перепуганными глазами.

Сделай что-нибудь. Они меня забирают.

Сделаю, будь спокоен, что-нибудь сделаю.